

Фрагменты из романа прозаика и драматурга Анны Бригадере «В пылающем кругу»

Борис Инфантьев

Стр. 199. (Майга-Марианна рассказывает Видвуду о своем друге, послушном Грише — сыночке Семена и Аннушки, привратниках в доме убитого в Петербурге хозяина дома, немецкого предпринимателя.)

— Люди честные. Весь век у одних господ. Сначала кучером и потом привратником... Господа без вести пропали.

Стр. 208. Арвид в Крелле.

— В людях, в этих постройках, церквах, монастырях, зубчатых мурованных стенах, массивности больше проявляется; такая глубокая воля самодержцев, такое помрачнение о вселенную мистику, не позволяющее ей освободиться. Больше чувствуешь не душу народа, а душу власти.

Пирамиды всегда строят рабы, не тираны на них накладывают знаки своей принадлежности. Не только для того, чтобы прославить Бога, а чтобы пугать людей, они строят свои крепкие мурованные стены и так же, как в древности, в них вкладывают души живых народов. Разве наш народ мало дани давал этому Молоху? Мы кормили его сметаной и жиром, чтобы он блестел, и бросались на колени и молились их блеску.

Арвис:

— Слишком большое уважение в нас вселяли их церкви, школы, тюрьмы и жандармерии.

Стр. 219.

Появился хитровский босяк. Поношенный китовей, оборванные штаны, стянутые грубой веревкой под животом, черная рубашка, порванная на груди, рыже-седые щетиной волосы и борода обрамляют пустое водянистое бледное лицо. Подкашивающимися танцующими шагами он шел, размахивая руками на обе стороны против собравшегося народа, как император со сцены: «Здоров, народ. Здорово, здорово, желанная свободушка! Хлеба, сколько хочешь. Водки, сколько хочешь! Ай, жизнь, жизньюшка прекрасная!»

Куда девались прежние «Держи морду», «Прочь с дороги!». Теперь: «Прошу, товарищ!» Вот что означает революция!

Стр. 230.

— Латышу больше не годится русский, еврей и немец: они теперь будут братья за латышей, — сказала Валда грустно.

Арвис:

— Чего мы достигли, того достигли. Когда латыш держался вместе с латышом, русские не показали нам братских сердец в наши самые опасные времена, а немца мы знаем слишком хорошо.

Стр. 233.

С молниеносной быстротой вспыхнули огненные ожерелья вдоль фасадов храмов, куполов, крыш, башен! Они отсвечивали блесками

многоцветных драгоценных камней. Кресты, кресты в свете ликующие, к звездам вырастающие!

Сочно густой, как некий музыкальный грудной тон, начинает звучать из тишины призыв первого колокола. Его выпустил мощный кремлевский бдительный страж колоколов. Иван Великий — купол небесной ночи, расписанный путями света, наполнен до небосклона гулом этих колоколов. Это был единый возглас миллионов языков: «Христос воскрес!»

— Воистину воскрес!

Бесчисленные губы это подтверждают в эту минуту, бесчисленные лица расцветали не только в свете электрических лампочек, но и в блеске солнца. Как хорошо было на свете! Любовь воскресла. Любовь никогда не могла умереть. Да прославится навек ее божественный проповедник.

Латыши погрузились в этот океан колокольного звона, в кратком забвении, как в сладкую мистирию.

Вдруг крик орущего ворвался в эту торжественность, как пьяный бродяга в храм. За ним следовали другие. Шипели ракеты. Выстрелы. Пиротехника. Выкрики. Вопли. Гармошка. Дубинушка. Похабные слова, как броски грязи, поднимались до окон.

Алексис:

— Такие они. Самую замечательную инсценировку они любят завершить водевилем или фарсом.

Стр. 237.

Как эти азиаты теперь перенимают услуги, от которых еще месяц тому назад он каждого неприглашенного ревниво бы отверг! Папиросу, которую раньше, разговаривая с господами, Степан тщательно прятал в кулаке, теперь курит в каждом месте и прямо на глазах буржуев. Он притащил из провинции свою дочь, и она выполняет некоторые оставленные для нее обязанности. Слышно, как эта дочка в коридоре иногда стучит своими высокими польскими ботинками. Она смотрела на мир глазами византийской богородицы и пахла парижскими духами, которые напоминают веселые бессонные ночи.

Стр. 256.

Но разве те бездельники, которые здесь заполняют все кусты, сараи и овины, большие вояки? Бахвальщики и охотники за юбками — вояки? — все они такие. Они не будут отгонять больших волков от буржуйских овец. Но раз этот буржуй разводит этих овец и дает тебе мясо, и дает тебе шубу, то ты должен отгонять этого волка. Для этого ты поставлен.

Русские товарищи, к сожалению, не чувствуют никаких обязанностей.

Стр. 265. (Русский, остающийся на месте, еще отвратительнее.)

— Товарищи, товарищи! — этот кричал, поворачиваясь, покрывая своим голосом музыку. — Вы слышите латыша. Латыш хочет нас учить, латыш нас оскорбляет!

Крики шипели один за другим: «Бесстыжий латыш!», «Проклятые латыши! Буржуи! Господа!», «Герой, настоящий герой! Латышские стрелки проучили их!», «Проклятый латыш! Мы должны охранять их, проливать здесь свою кровь, а он нас будет учить. Черт с ним!»

Несколько дней тому назад происходили драки между русскими батальонами смерти и латышскими стрелками, которые оканчивались кровавыми последствиями. Трения между солдатами обеих наций начались уже с первых блестящих достижений латышских стрелков на полях сражений и, вопреки кричащей проповеди братства и интернационализма в тайне оттачивались и разворачивались как терновый кустарник в пригодной для посадки почве. Поэтому не удивительно, что Арвис уже в следующее мгновение стоял спиной к стене, держа в руке толстую палку.

Стр. 273.

Все более серой становилась масса солдат, которая текла через Ригу. Последние резервы ушли. В сторону фронта не шел больше никто.

Опять здесь сработало предательство. Как верховный главнокомандующий Парский, который продал все врагу — без единого выстрела велел покинуть позицию Стрелковым полкам самые опасные места у Икшкиле... У главнокомандующего не было иной цели — героическими полками защитить себя, свой тыл при отступлении... Проклятый, проклятый Парский.